

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕРКЕССКОЙ КУЛЬТУРЕ (ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) *

Мадина А. Хакуашева **

Аннотация

В статье представлена авторская интерпретация онтологического аспекта гендерных отношений, лежащих в основе традиционной черкесской культуры. Автор апеллирует к концепции Гегеля, который актуализирует национальное как способ освобождения, представленный в самом широком диапазоне – от национально-освободительной народной борьбы до индивидуальных интенций, способствующих достижению экзистенциальной свободы.

Согласно концепции представителя немецкой классической философии, свобода приобретается через воспитание и дисциплинирующее знание. В качестве дисциплинарной матрицы следует рассматривать черкесский этикет – адыгэ хабзэ, в основе которого лежит свобода воли. Этот принцип является ключевым для гендерных отношений черкесов. Автор использует лингво-этимологический прием декодирования отдельных положений и понятий, базовых для традиционных гендерных взаимоотношений. В эпоху кризиса традиционные культуры могут рассматриваться как альтернативные модели, имеющие реальный шанс предотвратить наступающий процесс дегуманизации.

* Была обсуждена на международной конференции в научном центре фонда Рондели. Тбилиси, ноябрь 2018.

** Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН). Э-почта: dinaarma@mail.ru

(Дата отправления / Received: 16.04.2019, дата принятия / Accted: 28.05.2019)

Ключевые слова: гендер, традиция, философская концепция, свобода воли, черкесский (адыгский) этикет, принцип иерархии, культура любви, обычай избегания.

Gender Relations in The Circassian Culture (Ontological Aspect)

Abstract

The article presents the author's interpretation of the ontological aspect of gender relations underlying the traditional Circassian culture by applying Hegelian conceptualization of the national as a way of liberation in its widest interpretation (from national liberation struggles to fighting for personal freedoms) resulting in the attainment of existential freedom.

Hegel argues that freedom is acquired through education and disciplining knowledge. The Circassian etiquette – Adyghe Habze, which is based on free will, should be considered as a disciplinary matrix. This principle is the key to the paradigm of gender relations in Circassian communities. The author uses the linguistic-etymological method of decoding certain provisions and concepts that are the basis of traditional gender relations. In an era of crisis, traditional cultures can be seen as alternative models with a real chance to prevent the upcoming process of dehumanization.

Keywords: *gender, tradition, philosophical concept, freedom of will, Circassian (Adyghe) etiquette, hierarchy principle, culture of love, custom of avoidance.*

Национальное как манифестация свободы

Национальное, согласно концепции представителей немецкой классической философии, оказывается одной из фундаментальных онтологических категорий, тесно связанной с другой универсальной, ключевой, – свободой. По представлению Г. Гегеля, «историю творили не герои, не великие личности: правители не изменяли произвольно ход истории. Она подчинялась не зависевшей от отдельной воли объективной закономерности, которую можно было достигнуть рационально. В истории народов такой *внутренней закономерностью* был, по Гегелю, *прогресс в*

осознании свободы (курсив мой – М.Х.) (Гегель). Продолжая эту мысль, Гегель связывал историю с Богом (или Божественным духом), познающим через нее самого себя. При этом «изучение прошлого приобретало в этой связи особую значимость для людей. Понятие духа включало в себя три составляющие – общее, единичное и особенное. Общим был сам Божественный дух. Под единичным понималось его воплощение в отдельном человеке; особенным подразумевался дух отдельного народа. Именно народ рассматривался как герой всемирной истории. В разные периоды, по мнению Гегеля, на первый план выходили те или народы, с собственной миссией, раскрывшейся в определенное время» (Гегель 58).

Эта идея, преломленная в художественном дискурсе, перманентно актуализирует национальное как способ освобождения, представленного в самом широком диапазоне – от национально-освободительной народной борьбы до индивидуальных интенций, способствующих духовной эволюции личности, ее пути к достижению экзистенциальной свободы.

Поступки: добрые или злые, обусловлены проявлением свободы. Но свобода не дается, как утверждает французское Просвещение. Согласно концепции Гегеля, свобода приобретает через воспитание и дисциплинирующее знание. И в этом смысле свобода не обязанность, а «дисциплинарная матрица», предполагающая определенную меру ответственности. Это еще одно косвенное свидетельство веры Гегеля в победу добра и шествия истории как саморазвития Мирового разума.

Дихотомия адыгэ хабзэ

В качестве дисциплинарной матрицы, обеспечивающей возможные формы свободы, следует рассматривать черкесский этикет – *адыгэ хабзэ*, откристаллизованный и сформированный в процессе развития древней черкесской культуры.

Он во все времена лежал в основе отношений между

мужчиной и женщиной, достигнув высшей формы этикетности в период расцвета. Учитывая, что черкесы до Русско-Кавказской войны были самым многочисленным, структурообразующим народом Кавказа, то гендерный кавказский аспект во многом определялся именно формой черкесского этикета.

Черкесский этикет являлся предметом исследования многих отечественных ученых, ему посвящены известные монографические научные труды, такие как «Адыгский этикет» Б.Х. Бгажнокова, «Адыги. Обычаи, традиции («Адыгэ хабзэ»)» С.Х. Мафедзева.

«Этикет – ядро, организующий центр традиционно-бытовой культуры общения» (Бгажноков 10). Адыгэ хабзэ, таким образом - регламентация всех форм общественных и межличностных отношений, но в его основе лежит свобода воли. С этой точки зрения черкесский этикет являет собой дихотомический феномен, представляющий собой дисциплинарную матрицу, сочетающийся со свободой воли. Известный тезис стоиков, получивший распространение благодаря Б. Спинозе «свобода есть осознанная необходимость» снимает это видимое противоречие. В отношениях между мужчиной и женщиной свобода воли в первую очередь означала независимый выбор женщины в выборе спутника, с учетом ее личных предпочтений, и наоборот.

До сегодняшнего дня сохранились некоторые реминисценции рыцарского отношения к женщине: например, у черкесов женщина должна была подавать (или не подавать) руку при встрече, тем самым, именно она определяла(-ет) дистанцию между собой и мужчиной, которая для нее желательна или приемлема.

Основные принципы черкесского гендерного этикета

Сдержанность - ключевой универсальный принцип, который распространялся на весь этикет, на любое требование, поэтому всегда являлся определяющим. Он во

многим являлся следствием других важнейших принципов: скромности, толерантности, почитания старших (Бгажноков 27-28). С другой стороны, на его развитие повлияли табу коммуникативного поведения черкесов (Бгажноков 116-146). Принцип сдержанности до сих пор проявляет себя в отношении младшего и старшего, мужчины и женщины, отца и детей, в меньшей степени матери и детей. Как любое другое фундаментальное предписание, оно прошло многовековой отбор. Сдержанность являлась едва ли не самым важным маркером черкесского образа жизни, прежде всего в вопросах пола. Эта особенность связана, вероятно, и с длительным периодом военной демократии, которая приобрела перманентный характер, обусловив весьма специфический образ жизни и культуры черкесов, а также многих других кавказских народов. Для выживания в этих условиях должна была соблюдаться жесткая иерархия, максимальная рационализация и дисциплина. Поэтому в отношениях между мужчиной и женщиной осуждалось какое бы то ни было демонстративное проявление чувств; такое недолжное поведение как со стороны мужчины, так и со стороны женщины могло явиться предметом насмешек и всеобщего неуважения. Молодой человек при выборе невесты должен был найти некую «золотую середину», которая исключала бы домогательства, с одной стороны, с другой — демонстрировала бы личный интерес. Следовало проявлять ненавязчивую последовательность, рыцарское отношение, глубокое уважение к девушке, и одновременно — не допустить проявления собственной слабости. Это означало не потерять контроля над собственной личностью, над своей цельностью. Это, собственно, и подразумевало умение сохранить свободную волю, не впасть в зависимость от женщины, от своего чувства к ней. Если ситуация выходила из-под контроля и становилась наглядной, говорили: «*и напэр тэклащ*» («он потерял собственное лицо»). Мужчина, который «терял голову» и не мог подчинить себя собственной воле, не рассматривался в качестве серьезного претендента. Не умея управлять собственной волей, он по умолчанию не мог влиять

на свою невесту, жену, домочадцев, уже не говоря об окружении: родственниках, друзьях, товарищах, социума.

В чем же, таким образом, суть мужской позиции в сложных и весьма тонких отношениях мужчины и женщины? Очевидно, в умении продемонстрировать серьезные чувства к женщине и одновременно свою независимость от них. Предполагается, что мужчина всегда остается верным другим приоритетам — своему делу, воинскому долгу и пр. В любой ситуации он должен оставаться свободным и излучать *дух свободы*, в первую очередь, экзистенциальной.

Лучшим медиатором для адекватного выражения своих чувств служил игровой тон, стилистика безобидной шутки.

Чтобы обозначить «здоровую» дистанцию от личных чувств, мужчины старались нигде никогда не говорить о них серьезно, особенно в среде своих приятелей.

Защита женщины - основной принцип черкесского гендерного этикета

Особенности гендерной коммуникации весьма сложны. Многие исследователи (особенно советские) вплоть до настоящего времени были склонны не просто упрощать и вульгаризировать, но подменять и рассматривать их в единственной плоскости борьбы за равноправие. Советский дискурс, не углубляясь в «лишние» тонкости, значительно редуцировал и унифицировал традиционные культуры. Он же поторопился объявить некоторые аспекты гендерного поведения в рамках черкесского этикета «феодальными пережитками». Таким образом, советская эпистема, наслонившаяся на имперскую царского режима, создали некий микст, который сформировал условия постепенного нивелирования национальных культур РФ.

На самом деле черкесская гендерная система во все времена подчинялась главной цели - защите женщины на всех уровнях: физическом, социальном, моральном, нравственном, экзистенциальном, так как именно женщина до сих пор остается наиболее уязвимым объектом в системе гендерных

отношений. Женщина прошлого до советской власти в первую очередь могла опираться на помощь и поддержку мужчин своей семьи и рода.

Мужские функции были четко регламентированы: они включали защиту, добывание и производство материальных благ, в то время как женщины производили и растили детей. Это было четкое и честное разделение ролей, такое же, как во всяком другом обществе. Ни о каком второстепенном, тем более, подчиненном положении речь не шла вообще. Если можно было бы спросить черкешенку прошлого, находится ли она в подчиненном положении, та просто не поняла бы подобного вопроса. Она лишь могла бы сказать, на своем месте или нет. Вокруг этого понятия – находится ли тот или иной человек *на своем месте* – могли разгораться социальные конфликты и локальные войны. Оно – место – не объяснялось, а определялось непогрешимой социальной иерархией (включая семейную) и негласными законами *адыгэ хабзэ*.

Грамотное поведение женщины исключало лишнюю вербальную нагрузку, которая могла дезориентировать мужчину-собеседника и быть ложно истолкована как повод для нерегламентированных форм общения. Неверное или лишнее слово, даже неуместный взгляд могли вызвать серьезное непонимание, осложнение, тогда в конфликт вовлекались братья и близкие родственники девушки, которые обязаны были отстаивать ее честь. Именно поэтому верная модель женского поведения, которое не могло быть истолковано двусмысленно, было важнейшим условием безопасности девушки, включая сохранения перспективы удачного или нормального брака.

Правильное гендерное поведение предполагало минимальные риски для репутации женщин, именно поэтому оно было строго регламентировано, следствием чего и явилась сложно структурированная гендерная культура.

Черкесским женщинам позволялись относительно свободные манеры, которые вместе с тем ограничивались твердыми рамками. В случае «опасности» женщина лишь уходила от сомнительной ситуации, прибегнув к шутке,

разрядив напряженность или двусмысленность какой-либо позитивной отвлеченной темой.

Онтологический аспект культуры любви

Чтобы определить особенности любой национальной культуры, следует обратиться к базовым, общечеловеческим феноменам, едва ли не самой важной из которых является культура любви.

В рамках культуры черкесов об этом рассуждать достаточно сложно, так как этот феномен всегда являлся «вещью в себе» и никогда не оговаривался публично. Даже при личном общении между мужчиной и женщиной он не был предметом длительных признаний. Любовь скорее *проявлялась*, но неявно и лишь в тех случаях, когда это было уместно.

Однако чувство любви переживалось столь же интенсивно и драматично, как у всех остальных народов, у которых оно культивировалось и являлось центром притяжения для всех форм искусства. В черкесском фольклоре сохранилось большое количество плачей (*гъыбзэ*), посвященных трагической любви. Однако этот жанр был прерогативой авторов-женщин. Выразить свои чувства или даже отношение к ним для мужчин считалось непростительной слабостью.

Характерно, что иерархия как общий универсальный принцип черкесской жизни являлась основой даже для чувства любви. Однако более древние, сакральные основы следует искать в этимологии ключевых понятий и терминов, связанных с ними гендерной культурой.

Что же следует из дешифровки ключевых понятий, например, из формулы, которая на всех языках звучит как «я тебя люблю...»? Характерно, что в черкесском варианте нет подобного семантического понятия как такового. Аналог русскому любовному признанию (я тебя люблю) - *сэ уз фыуэ узолъагъу* - переводится дословно «я тебя хорошо вижу». Это нечто противоположное хорошо известной русской поговорке «любовь слепа...». Аналог русскому слову *любовь* (или английскому *love*) – черкесское понятие *лъагъуныгъэ*, что в буквально переводится как *процесс видения* или точнее

видение в процессе... Оно повторяет семантику *Сэ уэ фЫгуэ узольагъу* и в корне содержит общее *лъагъу* – *видеть*. Таким образом, по-черкесски полюбить значит «ясно увидеть».

Характерно, что в русской поэзии мы встречаем нечто аналогичное, но скорее в качестве семантических реминисценций – «видение» или «виденье» (например, «мимолетное *виденье*, гений чистой красоты») в стихотворении А. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»).

Другое важное слово *жених* по-кабардински *псэлъыхъу* в переводе – *ищущий душу* или *искатель души*.

Наконец, супруг по-черкесски – *цхьэгъусэ*, что значит *единомышленник* (букв. *друг головы*). Характерно, что эта лексема не имеет гендерной дифференциации, она применима как к мужу, так и жене. Это особенный принцип вербального маркирования, так как в наиболее распространенных языках мира понятия «муж» и «жена» так же четко различаются, как в русском языке. В англоязычном мире – husband, wife, в немецком – mann, frau, у франкоязычных народов – mari, femme, испаноязычных – marido, esposa.

До брака юноша и девушка *зопсалъэ* – общаются друг с другом, при этом не существует понятия «встретаться». Ключевое действие – общаться, разговаривать друг с другом; если его нет, то нет и второстепенных, подчиненных действий, ничего другого. Нетрудно заметить, что в слове *зопсалъэ* лежит общий корень со словом *псэлъыхъу* (*жених*) – *псэ* (*душа*), *псалъэ* (*разговор, слово*) буквально переводится как *вместилище души*. На этой стадии поиска «своей души» у молодежи практиковались упражнения в красноречии; эти вербальные поединки чаще носили публичный характер, хотя могли проявляться в шутовом или полшутливом диалоге, где каждый стремился превзойти другого в остроумии и блестящем образе мысли. Часто молодые люди встречались у постели больного или раненого (*щезпц*), и тогда различные экспромты в исполнении острословов были как нельзя кстати. Тогда-то чаще и разворачивались словесные баталии. Авторитет красноречивых людей был очень высок (Мафедзев 245-257).

Таким образом, можно обнаружить, что все понятие черкесской «любви» подчинены лишь ее высшему проявлению – любви духовной (душевной). Этот принцип последовательно проявлял себя на разных уровнях и этапах личной жизни: искатель души – жених – находит свою душу через процесс особого, собственного видения, (то есть иначе говоря *различения, отличения*), увидев *свою душу (дух)* в процессе общения (через слово - вместилище души), он после брака становится ее равноправным другом или напарником. Зрелый этап любви – брак – этимологически связан с образом головы, что в брачном союзе означает примат разума, мысли, сознания, духа, слова, то есть необозримо широкого диапазона, связанного с ментальным, духовным.

Как было сказано выше, в основе четкого приоритета духовного в весьма эмоциональной сфере любви должен был также лежать принцип иерархии, который был универсальным негласным регулятором всей социальной, этической и эстетической систем в культуре черкесов. В кабардинском языке практически не актуализируются более «низкие» проявления любви, например, ее телесные формы выражения.

Между тем, они широко представлены в карнавальной, смеховой культуре черкесов. Типичным носителем во время джегу, игрища, был *ажигафэ* – козел, во многом символизирующий сексуальное начало и представляющий в игровой форме следы, реминисценции фаллических культов. Он отпускал множество шуточек фривольного, скабрёзного содержания.

Отношение к плотской стороне любви в обыденной жизни было абсолютно имплицировано. Это можно заметить из старинных обычаев, когда новобрачный «входил» к молодой жене не через дверь, а через окно при условии, что его никто не видит. Возможно, этот обычай имеет гораздо более древние корни, берущие начало с доисторических времен, когда соперничество за женщину носило более примитивный зримый характер и грозило мужчине увечьем и даже потерей жизни. Необходимость скрывать личные отношения

распространялось и на жену. «После обеда князь пригласил меня навестить свое семейство. Пока я там был, жена Ногая скрылась через окно, чтобы не видеть своего мужа», - писал Тебу де Мариньи (Мариньи 314).

Следует отметить глубоко продуманное отношение черкесов к «темной» стороне человеческой, особенно мужской природы, что говорит о хорошем эмпирическом, реалистическом знании человеческой психологии и особенностей подсознания. Некоторые действия обретали характер табу, – они не объяснялись, но этих правил следовало неукоснительно придерживаться. Например, нельзя было касаться женщины. Именно поэтому были изобретены длинные нарукавники (хотя существует другая версия, что это имитация лат, дошедшая до нас из эпохи черкесских амазонок). Вполне вероятно, что тот или иной феномен культуры (в том числе, элемент традиционной одежды) в разные времена приобретал другую, иногда противоположную коннотацию, особенно при появлении новой общественно-экономической формации, например, смене матриархата на патриархат. Но так или иначе, мы имеем свидетельство высокого уровня эмпирических знаний в отношении мужской и женской витальной энергии и уважительного отношения к ней.

Однозначно приоритетное отношение к высшим, духовным формам любви безусловно отразилось на взаимоотношениях мужчины и женщины, на черкесской этике в целом. Любое, даже минимальное «снижение» должного уровня галантного отношения к девушке, женщине болезненно воспринималось последней, так как для нее оно могло значить воплощение «низкого» телесного интереса мужчины по отношению к себе, недооценка ее как объекта любви высшего духовного порядка. Возможно, это обстоятельство во многом влияло на этикетное отношение к женщине в традиционном черкесском обществе.

С этим во многом связано абсолютное требование сохранять целомудрие у девушек и супружескую верность у жен, - несомненные женские добродетели, которые высоко

почитались во все времена.

Вербальная и поведенческая актуализация духовной любви как ее высшей формы на фоне умолчания по отношению к «низшим» телесным проявлениям у черкесов сочеталось с культом физического совершенства, что в целом исключает понятие аскезы как в любви, так и во всех других проявлениях. Высокий ценз женской красоты и гендерной эстетики в целом предполагали гармоничное восприятие любви во всех ее проявлениях и целостности.

Эта древняя модель гендерных отношений в большой степени сохранилась по сей день; возможно, ее код отразился на эпигенетическом уровне, поэтому так трудно черкесским девушкам и женщинам принять иной тип ухаживаний, кроме исконных. У мужчин других национальностей они высоко ценят те черты, которые привычны для родной культуры, так как именно эти черты безошибочно обнаруживают в мужчине мужество в самом широком смысле.

Система запретов с точки зрения современных представлений

С древних времен вплоть до Русско-Кавказской войны каждый член традиционного черкесского общества знал генеалогию материнского и отцовского родов до седьмого колена. Это было чисто прагматическое требование, так как существовал жесткий запрет заключать браки ближе седьмого поколения. Нарушившие табу изгонялись из общества и становились изгоями. Брачный запрет существовал с незапамятных времен, что дает еще одно основание отметить глубокие эмпирические народные знания в области физиологии и медицины, на самых ранних исторических этапах осознавших недопустимость инцеста. Возможно, этим фактом объяснялись хорошие физические данные черкесов, которые отмечались многими путешественниками, особенно восхищавшихся красотой женщин.

Лишь относительно недавно феномен кровосмешения был оценен наукой как глубоко деструктивный с точки зрения

генетики, так как приводит к целому вееру отклонений: от незначительных до тяжелых инбридинговых последствий.

С высоты современных представлений столь же прагматичным представляется обычай избегания (невестка лишь через год могла общаться со свекровью, а со свекром гораздо позже или не общаться вовсе). Та же ситуация была характерна для зятя; в ряде случаев он до конца жизни не общался с тещей. Как правило, в черкесском обществе практиковались ранние браки, что было оправдано со многих точек зрения (экономической, биологической, учитывая относительно непродолжительный срок жизни и пр.). Поэтому родители молодоженов сами могли быть еще относительно молодыми людьми (от 30 до 40 лет). «Для супругов, например, всякое обнаружение в присутствии других интимных и вообще аффилиативных чувств по отношению друг к другу считается неприличным, нельзя было даже в соответствующе додме показаться вместе... И по сей день мужчины из числа старшего поколения живут, не обмолвившись с невесткой ни единым словом. Например, 74-летний Блягоз из с. Нешукай (ААО) утверждает, что избегает встреч и разговоров со своими тремя невестками соответственно 25, 16 и 9 лет и в дальнейшем до конца жизни не собирается нарушать обычай. То же самое наблюдается между невесткой и старшими братьями мужа», - пишет Б.Х. Бгажноков (Бгажноков 140). Об обычае избегания между супругами писал Тебу де Мариньи (см выше). По всей видимости, обычай избегания предотвращал возможный либидозный катексис и половые связи, например, между молодой женщиной и тестем, молодым мужем и тещей и пр., которые могли бы разрушить любой брак и привести к непредсказуемым тяжелым последствиям. Сформированный в доисторическую эпоху, подобный запрет перерос в жесткую традицию и стал надежным регулятором брачных внутрисемейных отношений.

Это представление подтверждает Б.Х. Бгажноков. «Многие ученые считают, что они (запреты – автор) явились следствием запрета сексуальных контактов между членами родственной группы (невесткой и свекром, зятем и тещей)» (Бгажноков

141). Среди советских ученых эту точку зрения разделял А.Ф. Анисимов: «Если присмотреться к основной направленности этих обременительных запретов, то нетрудно заметить, что все они ориентированы в одном и том же направлении: исключить возможность сексуальной связи этих лиц» (Анисимов 132).

Общая дезадаптация и деморализация, глубокий кризис *адыгэ хабзэ* после Русско-Кавказской войны, многочисленные последующие волны так называемых «сексуальных революций», которые докатывались до таких регионов, как Кабарда, при всей своей выразительности не вызывали, тем не менее, больших перемен, по крайней мере, в пределах реальной аксиологической шкалы. Между тем, черкесы не могли избежать серьезных влияний, в том числе, в гендерных отношениях, но этические приоритеты в конечном итоге склонялись к традиционным ценностям, которые даже в период постмодернизма или постпостмодернизма в совокупности продолжают оставаться негласным требованием для каждой воспитанной девушки и юноши.

Однако так ли неоспоримы эти требования? Так ли уж они однозначны? Разумеется, современные молодые женщины не могут не задаваться этими вопросами.

Обратимся к некоторым современным представлениям в области физиологии и сексологии. Оказывается, что при беспорядочных половых связях (например, у профессиональных «жриц любви») имеется весьма низкий шанс зачать ребенка. У мужчин и женщин при подобном образе жизни резко снижается либидо и падает уровень половых гормонов. Разумеется, остаются высокими риски сопутствующих вен. заболеваний, присоединившаяся реальная угроза ВИЧ и других инфекций. Кроме снижения общей фертильности, необходимо отметить более отдаленные последствия безотцовщины, связанной с тяжелыми экономическими, психо-социальными, нравственно-этическими формами адаптации матери и ребенка.

В доисторический период, когда происходило формирование основ морали и нравственности, для женщин,

практикующих бессистемные половые связи, смертельные риски значительно возростали: в порыве ревности один из партнеров мог убить саму женщину и (или) соперника. При отсутствии суда и юриспруденции на более поздних исторических этапах патриархата казнь за адюльтер была стихийно узаконена. (Вспомним, например, еще относительно недавние еврейские и арабские традиции побивания камнями неверных жен).

Мораль - не абстрактное этическое и эстетическое требование, а прежде всего система поведения, при котором можно избежать опасности, иначе говоря, мораль - это безопасное поведение. Постепенно оно теряет сакральные и эмпирические мотивации, ускользают причинно-следственные отношения, но безопасная поведенческая модель закрепляется как требование и превращается в обычную традицию, моральный закон, происхождение которого мы со временем уже не можем объяснить.

На многочисленных примерах персонажей мировой художественной литературы блестяще продемонстрировано драматическое *психологическое состояние* женщины, имеющей двух возлюбленных. (Например, романы «Красное и черное» Ф. Стендаля, «Госпожа Бовари» Г. Флобера и т. д.). В финале романа героиня романа Дж. Лондона «Маленькая хозяйка большого дома» погибает, так как большое чувство несовместимо с ощущением раздвоенности. Этимология самого слова «цело-мудрие» подразумевает неделимую *целостность* обоюдного чувства, которое исключает присутствие третьего субъекта. Между тем, стихийная природа сексуальности не исключает глубокого чувства к другому (как в романе Дж. Лондона), но в этом случае с большей вероятностью возможен драматический или трагический исход. Эти наблюдения касаются не столько физического, сколько психологического аспекта.

Таким образом, целомудрие оказывается абсолютно современным актуальным требованием. А любовные отношения в каком-то смысле - безошибочный тест, который определяет присутствие духа, силу воли мужчины и женщины.

Одним из важнейших аспектов гендерных отношений было *уважение к женщине*. Нетрудно выстроить некую умозрительную причинно-следственную закономерность: женщина, которая привыкла жить в атмосфере неуважения, вырастает с чувством собственной неполноценности. Она может обладать большим потенциалом, который при этом так и останется нереализованным, - неуверенность в себе, в собственных возможностях блокирует все дальнейшее развитие. Лишенная чувства любви и уважения, женщина испытывает страх и ответное неуважение; в части случаев неприязнь к мужчинам, которая может не проявляться открыто, проявится латентно или будет реализовываться при удобном случае. Сын женщины, воспитанной в неуважении, унаследует материнскую неуверенность в себе и своих возможностях. Это порождает целый комплекс негативных характеристик: неспособность к уважению, зависть, злобу, непримиримость, мстительность, жестокость и пр. Так «включается» целая система недолжного, порочного воспитания, которая продлевается во времени, передаваясь от матери сыну, от сына к его детям и так далее. (В царской России, во всех европейских странах существовали и существуют особые элитные учебные заведения, которые призваны воспитывать и образовывать девочек: только правильное воспитание превратит их со временем в полноценных матерей, которые смогут воспитать достойных сыновей, настоящих мужчин и сформировать здоровое ядро нации).

В соответствии с обыденным сознанием представляется, что существуют разные модели воспитания, которые могут дать хорошие результаты. Однако действенной оказывается единственная модель: в основе ее лежит уважение к женщине, которое начинается с момента ее рождения. Атмосфера безусловного уважения к маленькой девочке, девушке, женщине является той основой, на которой сформируется впоследствии свободная личность; со временем ее сын будет иметь все основания стать гармоничным человеком. Отсутствие уважения а priori уничтожает его

будущую личность. До настоящего времени пожилые женщины-черкешенки встают при виде маленького мальчика, демонстрируя безусловную дань уважения ему и его славному будущему.

По этой же причине старики-черкесы вставали и продолжают вставать при виде девочки, потому что она всегда воплощала живое будущее их собственных потомков, в первую очередь, сыновей.

Подобная модель отношения к женщине, кстати, подчеркивалась в классической мировой литературе. Вспомним пьесу «Пигмалион» Б. Шоу: молоденькая цветочница Элиза Дулитл превратилась в настоящую леди только после того, как к ней стали относиться как к леди.

Черкесский этикет предполагает ярко выраженные ролевые модели поведения по гендерному принципу, то есть поведенческую презентацию выраженной маскулинности и феминности.

Фенотип мужчин и женщин, как известно, очень вариателен – от ярко выраженных психо-соматических гендерных характеристик до гетерогенных, андрогинных, когда мужчине и женщине присущи в той или иной степени психологические характеристики обоих полов (мы не касаемся девиантных случаев, имея ввиду лишь варианты нормы). В настоящее время говорят о следующем соотношении: феминный (эстрогенный) тип женщин – 10%, маскулинный (андрогенный) тип мужчин – 10 %, андрогинный (смешанный) тип мужчин и женщин – 80 %.

Но социальные требования черкесского этикета даже «мужественным» женщинам до сих пор отводят рамки сугубо женского ролевого поведения. Не будем останавливаться на их характеристиках ввиду очевидности, лишь перечислим традиционные черты: мягкость, бесконфликтность, сочувствие, нежность в любых проявлениях, склонность к заботе, выраженный интуитивизм и пр., то есть все то, что максимально помогает зарождению и успешному становлению новой хрупкой жизни. Понятно, что перечислением нескольких черт понятие «женственности» не

исчерпывается, ведь она включает невыразимо широкий арсенал качеств, в который могут входить «мужские» достоинства, такие, например, как мужество, сила, решительность, даже агрессия. Но о последних можно было бы говорить как о ситуативных. Однако эти черты оказываются востребованными для современных женщин, так как маскулинность мужчин как феномен объективно утрачивается. В настоящее время можно наблюдать стихийно «запущенный» порочный круг: мировая цивилизация оказала подавляющее воздействие на мужское начало; ситуация со временем обернулась утратой генов в мужской У-хромосоме (из 1,5 тысяч генов в ней остается примерно 78). Постепенная потеря маскулинности обусловило компенсаторное появление «универсальных» женщин, способных быть не только женщинами, но в случае необходимости функциональными «мужчинами». Эта неутешительная необходимость возникает все чаще, и мы уже стали свидетелями появления настоящего класса самодостаточных мужественных женщин.

Этот процесс, как любой другой, нельзя расценивать однозначно, для частной адаптации отдельной женщины, вынужденной обходиться без важнейших составляющих мужской поддержки (главным образом – психологической), это - позитивный процесс. Но возрастающая независимость женщин еще больше подавляет и без того угнетенное мужское начало, (что на физиологическом уровне, как известно, проявляется снижением уровня тестостерона). Мужчины на этом фоне все больше ощущают свою ущербность и т.д., что позволяет отдельным футурологам прогнозировать неутешительную тенденцию нивелирования мужчин как класса или вида.

Универсализация функций женщины, усиление женского интеллекта и характера, которые и прежние времена не отличались слабостью, иначе говоря, размывание классического «инь» лишает смысла существования полярного классического «янь». Распадается гармония, которая была «альфой и омегой» человеческой жизни, ее основой.

С ретроспективной точки зрения можно оценить

важнейшее значение жестко регламентированного ролевого поведения мужчин и женщин, предписанного черкесским этикетом традиционного общества, ведь ярко выраженная женственность потенцирует и укрепляет мужское начало, а ярко выраженное мужское начало способствует расцвету женственности.

Очевидно, древним черкесам была хорошо известна амбивалентная природа любого чувства, особенно кульминация любого из них – страсти.

Черкесская философия и народная этика подчеркивала высокий пиетет сильного чувства. Но черкесы направляли его силу в том направлении, которое казалось верным, то есть канализировали. Таким образом, они могли становиться повелителями собственных внутренних стихий, и это являлось источником огромной скрытой энергии.

Но на сегодня этот сложный процесс канализации чувственного известен как *сублимация* по терминологии и определению З. Фрейда, в основе которой лежит трансформация эротического чувства в творческую энергию. В этом случае пример трансформации любовного чувства наиболее показателен; совершенно очевидно, что сила эмоций распространяется на все сферы чувствования, и силу любого чувства можно трансформировать в энергию творчества. Именно этот процесс по умолчанию лежит в основе *адыгэ хабзэ*. Разумеется, имеется в виду не только энергия творчества, но любая другая продуктивная сфера, направленная на созидание.

Невозможно вербально передать механизм сублимации. В черкесском этикете это достигается определенным табуированием, целым комплексом ограничений, которые постепенно учат ребенка подчинять всю огромную массу разнообразных чувств собственной разумной доброй воле, отвоевывая их у власти слепых стихий.

«Шекспировские» страсти хорошо понимаются, но не принимаются черкесами как модель для реальной жизни. Очевидно, это в первую очередь объясняется ими отсутствием внутренней культуры самоконтроля.

Установленные модели поведения в рамках *адыгэ хабзэ* не имеют случайной природы, - они отбирались и закреплялись тысячелетним опытом народа.

Мы никогда не одержим верх в споре с ним, но в нашей власти осмыслить его с точки зрения современного человека.

Свобода воли и свобода выбора в современной интерпретации воспринимаются современным обществом как ключевые демократические ценности. Если преломлять категорию свободы к современным актуальным философским течениям, таким как экзистенциализм, феноменология, персонализм, юнгианство и многие другие, во главе угла оказываются именно эти принципы, признанные черкесами с давних времен.

Черкесы – люди пограничья, которые выросли не на одной границе, - на множестве границ. Современная черкесская диаспора, составляющая 90 % общего числа, проживает по некоторым официальным данным в 56 странах, по неофициальным — практически во всех странах мира. Это означает, что все черкесы инкорпорированы в мировые культуры стран Запада, Востока, Азии, Европы, Америки, Африки, Австралии... Например, в России традиционная черкесская культура ассимилировала русскую классическую, советскую и мировую культуры. Но где бы ни находишь представители черкесского народа, в каждом из них напряженно живет, не смешиваясь, *адыгэ хабзэ*, его современное инобытие. Эта важнейшая объективная данность современных черкесов, имеющая в своей основе трагическую историческую подоплеку, обостряет восприимчивость черкесской модели мира, потому что дает возможность оценивать ее не только изнутри, но и со стороны. Она же диктует новые духовно-идеологические стратегии.

Возвращаясь к идее Гегеля об историко-теологической миссии отдельного народа на определенном промежутке истории, можно говорить о неизбежности современной миссии глобального влияния, учитывая рассредоточенность черкесов по всему миру. Оно осуществляется в первую очередь через распространение нравственного черкесского

императива, заключенного в черкесском этикете, образе жизни, мысли и сознания.

В век тотального кризиса всех сфер жизни, включая гендерные как базовые, спасительным становится декодирование традиционных культур, например, черкесской. В настоящее время именно традиционные культуры могут рассматриваться как альтернативные модели, имеющие реальный шанс предотвратить наступающий процесс дегуманизации.

Примечания

Анисимов, А.Ф. *Духовная жизнь первобытного общества*. М.-Л., 1966.

Бгажноков, Б.Х. *Адыгский этикет*. Нальчик, 1978.

Гегель, Г.В. *Философия истории*. Москва: Наука, 1993.

Мариньи, Тебу де. *Путешествие в Черкесию*. Нальчик: АБКИЕА, 1974.

Мафедзев, С.Х. *Адыги. Обычаи, традиции («Адыгэ хабзэ»)*. Нальчик: Крымский изд. дом, 2000.

